

О СТРУКТУРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Предлагается рассматривать российский социум как систему, в которую входят элементы-этноты и элементы-территории, которые могут образовывать территориальные и этнические подсистемы. Даны характеристики элементов, а также выделены межнациональные, групповые межнациональные и внутринациональные отношения в этой системе. Делается вывод, что имеющиеся в системе связи надо развивать и укреплять, стремясь усложнять набор связей и добавлять новые. Национальная политика в России должна учитывать федеративное устройство государства, а также трудовую миграцию и иммиграцию.

Ключевые слова:

государственность, межнациональные отношения, народ, национальная политика, нация, патернализм, русская цивилизация, территория, федеральное устройство, целеполагание, этнос.

Согласно переписи 2010 г., в России «проживает 193 народа и народности, говорящих на 171 языке» [4]. Гармонизация отношений между всеми «народами и народностями» во всех сферах и на всех уровнях, поддержание стабильно позитивного характера этих отношений требует адекватных действий со стороны государства (как системорегулирующей структуры, обеспечивающей национальную политику), релевантных сложности и многоаспектности проблемы.

Решать эту проблему приходится на фоне важного обстоятельства – наличия трудовой миграции, внутренней и междунациональной. Внутренняя миграция связана с неравномерным экономическим положением различных территорий России. Аналогичные причины имеет и иммиграция в Россию из некоторых стран СНГ, а также Китая, Вьетнама и др. стран.

Ситуация, касающаяся межнациональных вопросов, неблагоприятна во многих странах, в т.ч. в России. Практически в любом российском регионе можно обнаружить ситуацию, аналогичную сложившейся в Туве, о которой говорит Ю.В. Попков: «В Туве множество проблем... Надо сказать, что Тува уникальна. Это единственный сибирский субъект федерации, где преобладают представители титульного народа. Тем не менее, считать, что отсюда полностью *выдавлены русские*, нельзя. Это просто неправда. Определенная напряженность, конечно, есть – как межэтническая, так и социальная, но, по моему мнению, это связано, прежде всего, с *экономическим неблагоприятием республики*» (выделено мной – В.Н.) [7]. Такое сочетание неблагоприятия в экономической и национальной сферах стало типичным в постсоветской России.

Экономическая ситуация на конкретных территориях находит объяснение в катастрофических изменениях в народном хозяйстве, происходящих в стране, начиная с 1992 г. Вопросы, возникающие на межнациональном уровне, обусловлены двумя факторами. Первый – сложившийся к моменту распада СССР, как правило, неоднородный этнический состав населения практически в каждом регионе, населённом пункте России. Второй – возникший в 90-е годы и бурно нарастающий иммиграционный поток в Россию, который принято называть *трудовой иммиграцией*.

Нарастающие в российском социуме проблемы накапливаются, начинают приводить к трагедиям – «Кондопога» становится именем нарицательным. Для поиска путей решения требуется осмыслить имеющуюся ситуацию и попытаться описать состояние нашей социальной системы, которое представляется если не идеальным, то более предпочтительным. Воспользуемся для этого системным подходом, а также применим методы, предлагаемые мир-системным анализом. Согласно такому подходу, система не складывается постепенно из кусочков, а существует изначально, только связи между элементами видоизменяются (возникают, укрепляются, ослабевают) [2; 5].

Российский социум можно представить как систему, в которую входят элементы-этноты и элементы-территории. Элементы могут также образовывать территориальные и этнические подсистемы. Такие подсистемы образуются по некоторым из имеющихся у этносов признакам. Элементы и подсистемы, обладая свойствами, образуют отношения (парные и групповые). Таким образом, мы получаем многослойную матрицу, в которой можно учесть множество

выделенных элементов системы и существующих между ними отношений. Плоскостями отношений матрицы могут быть отношения, касающиеся религии, этничности, социальной стратификации (город–деревня, богатые–бедные, образовательный статус и т.д.), территориальной привязанности (оседлость) и т.п. Связям в этой матрице можно присвоить различные характеристики – вес, направленность и т.п.

Такой подход уже разрабатывается: «каждый из этих народов обладает своей спецификой и определяемым ею статусом – положением, занимаемым им в различных сферах общественной жизни. Каждая из его социальных позиций связана с определенной сферой <жизни> общества. Соответственно этому выделяются такие виды статусов, как экологический, социально-экономический, культурный, демографический, социально-политический, правовой, социально-психологический. Каждый из них охватывает совокупность достаточно внешних по отношению к нации статусных позиций, формирует не только ее место в обществе, но и межнациональные отношения. В его структуре наличествуют как достаточно стабильные, так и относительно изменчивые вариативные структуры. Этим он представляет особый интерес для политики, поскольку допускает изменения и коррективы. Статус народа (этноса) измеряется количественно, что делает возможным проведение сравнительных исследований» [9].

Для определения этноса, нации выскажем некоторые соображения. Рассматривая весь социум в целом как систему, мы трактуем его состоящим из элементов, которые могут также образовывать подсистемы. Но четких границ мы провести не можем – ни между людьми, ни по земле. Такая структура модели не имеет признаков иерархичности, что вполне адекватно: не может быть «старших» и «младших» этносов, народов, территорий. Но также данная модель исключает и противоположное понятие – «равенство» этносов.

Попытки кодификации относительно **статуса этноса**, так же как и социальной группы, бессмысленны. Это продемонстрировал наш собственный советский опыт. В последней советской Конституции (1977 г.) провозглашалось, что на основе «юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ». Конституционное закрепление названного понятия, как мы знаем, не стало гарантией существования «новой общности». Сегод-

ня формулируется концепция «новой исторической общности», теперь – **российского народа**. Прекрасная идея, только она не нова и вряд ли раз и навсегда обеспечит собственно существование народа.

Так же бессмысленно и бесперспективно определять главенствующую роль народа – русского или какого-либо другого. Дело не в конституционном закреплении статуса, не в юридической норме. А в чём? По всей видимости, – в отношении к необходимости и значимости *смысла* такого статуса (если попытаться этот смысл вербализировать) со стороны участников процесса, в нашей модели – элементов и подсистем, образующих систему социума. Не менее важно отношение каждого элемента к системе в целом – насколько актуальным и легитимным признаётся самим элементом его включённость в систему.

Русская цивилизация формировалась более тысячелетия. Сначала умножались, прочились и усложнялись связи между древнеславянскими племенами. Появлялись связи с другими, неславянскими племенами и народами. Новые связи в свою очередь усложнялись, становились более многогранными. Сама система, таким образом, усложнялась. В орбиту её отношений вовлекались всё более отдалённые народы, принимавшие русские «правила игры». Эти народы придавали и продолжают придавать российскому космосу неповторимый колорит. Народы, объединившиеся в российском государстве – грани целого. Существует определение России как «**симфонии народов**».

Готовность этносов вливаться в систему русской цивилизации (встроенной в свою очередь в мировую межнациональную систему – например, в ослабевшую и уже практически неразличимую систему славянского мира) и осознавать свою роль и функции в этой системе – важная характеристика самой системы, обозначение её потенции к развитию, усложнению, а, следовательно, к упрочению. Это согласуется с мнением А.И. Субетто, что «новые свойства подсистемы (элемента) закрепляются, если они являются внешне целесообразными, т.е. обеспечивают отправление внешней функции системы, способствуют сохранению и развитию системы» [10, с. 127].

Трудно дать определение нации, этносу. Н.А. Бердяев дал этому такую оценку: «все попытки рационального определения национальности ведут к неудачам. Природа национальности неопределима ни по каким рационально-уловимым признакам. Ни раса, ни территория, ни язык, ни религия не являются признаками, определяющими

национальность, хотя все они играют ту или иную роль в ее определении. Национальность – сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, созидающего ее неповторимый духовный лик. И в результате всех исторических и психологических исследований остается неразложимый и неуловимый остаток, в котором и заключена вся тайна национальной индивидуальности» [1].

Попытка одного народа самоидентифицироваться привязкой к земле может привести только к непониманию какого-нибудь другого, соседнего народа, если вдруг окажется, что при таком способе самоидентификации хоть на пядь пересекается граница. Налицо конфликт. Но если эти соседствующие народы отнесутся к земле как к общей, пусть и с проведёнными «федеральными» границами, конфликту места не останется.

Административные и даже государственные границы практически нигде не совпадают с этническими. Также эти границы являются искусственными и по отношению к хозяйственно-экономическим связям. Особенно отрицательно, трагически это проявилось при скоропалительном разделении СССР на части, ставшие странами. В России эти границы обеспечиваются федеральным устройством нашего государства.

Напрашивается тема «укрепления федерации». Типичным является утверждение Е.А. Черноусовой: «в процессе совершенствования федеративных отношений открывается возможность эффективного решения ряда ключевых проблем русского народа, и, в частности, вопроса об особенностях его самоопределения, без ущемления интересов других народов страны» [13]. Но подобный тезис, который звучит у многих, не кажется бесспорным. Укреплять границы, составленные далеко не идеально, делать упор на индивидуальном развитии регионов (аналогично – и этносов) – слишком лёгкое, прямое, но и не оптимальное решение. Учитывая невозможность однозначного проведения границ для чёткого разделения регионов (тем более с учётом этнического фактора) придавать федеральному принципу главную, определяющую роль в организации жизни социума, в т.ч. и российского, не кажется самым рациональным решением. Такая организация может быть служебной, может лишь помочь структурировать, хотя и довольно грубо, наш собственный социум.

Высшей ценностью для системы «этнос» или «нация», безусловно, является потребность существовать, **быть**, продолжать себя – непрерывно и бесконечно. «Общественные системы обладают похожими свойствами, выполняют сходные функции. Их развитие протекает похожим (в т.ч. циклическим) образом, и, соответственно, подчиняется определенным закономерностям... Система не стремится к самоуничтожению, но в процессе развития при неверном выборе траектории может прекратить свое существование, распавшись на элементы» [6].

Есть одно ограничение для такого целеполагания, особенно для системы «Россия»: существование системы должно обеспечиваться не любой ценой, бытие должно опираться на принятые системой этические нормы, быть в этом смысле «качественным»; отклонение от этих норм является потерей самой себя, т.е. лучше погибнуть, чем «поступиться принципами». Но тогда, если главное – это благо системы в целом, то частный интерес может (должен?) приноситься в жертву общим целям. Однако можно смело утверждать: в сегодняшнем российском обществе набирают силу противоположные настроения, направленные на достижение индивидуальных целей, общественные потребности игнорируются многими, практически большинством. Понятие **самоотречения во имя общего дела** исчезает из сознания индивида – ввиду отсутствия этого самого общего дела. Рынок ведь – битва в первую очередь за себя. Отсюда необходимое следствие – утрата первичной, главной цели бытия системы – непрерывающегося существования. Индивидуальное благополучие как цель автоматически снимает системное ограничение качества бытия, и система остаётся без главной и единственной цели.

И общее неблагополучие в каждом конкретном регионе толкает его жителей искать опору – в чём? Первое, о чём можно думать в ситуации, когда большая, «дальняя» система тебя не поддерживает – опереться на ближнюю, маленькую, на *свою* общность – регион или этнос. Такие настроения легко анализируются заинтересованными лицами, которые, как правило, есть в каждой (местной) элите. Нельзя не согласиться с тем, что «опыт перехода России к рынку показал, что национальная идея практически приобрела характер идеи национальной элиты регионов. Важнейшим экономическим аспектом современных национальных отношений является возможность управлять ресурсами и их потоками (прежде всего, финансовыми, материальными, тру-

довыми и пр.). Для национальных элит право на управление ресурсами, собственность на них, присвоение прибыли, ренты и, соответственно, обогащение во многом является сутью (хотя это часто открыто и не декларируется) экономических отношений с федеральным Центром. Таким образом, требования о большем национальном суверенитете часто имеют вполне осязаемые экономические основания» [9].

Ощущение ненадёжности ситуации, опасение негативного развития влечёт соответствующую реакцию как этнических, так и территориальных компонент нашей системы. В пределе это ведёт к росту сепаратистских настроений. Это находит своё проявление также в акцентировании собственной этничности. Это обозначает неуверенность, слабость позиции в собственном этническом осознании, попытку гипостазировать* сформированное к настоящему времени понятие административного статуса «своей» территории, придать ему более широкое и весомое значение. И тогда индивид, например, подчёркивает свою принадлежность к родной «Республике Башкортостан» – а не умалчивает об этом, подразумевая само собой разумеющимся.

Сродни этому и навязывание обновлённых норм в русском языке (в своё время, в перестройку, эстонцы настаивали, что надо говорить «Таллинн»; теперь мы часто слышим «в Украине», «Беларусь», «Башкортостан»; всё это – вместо «Таллин», «на Украине», «Белоруссия», «Башкирия»). Однако русский язык, который много веков служит средством межнационального общения, как представляется, не должен искусственно корректироваться, фактически конструироваться, подобно эсперанто.

Понятно, что гипертрофированное проявление этничности, обусловленное социально-экономической неустроенностью, толкает представителей каждого этноса к историческому мифотворчеству. Пример такой отрицательной по отношению к другому самоидентификации можно наблюдать на Украине, где «в основу мифотворчества была положена стратегия этносимволизма, в рамках которой воссоздавался миф об исключительности исторического пути украинской нации, особый упор делался на ее героизме и страданиях. Для чего были выбраны два наиболее знаковых исторических явле-

ния – Украинская Повстанческая Армия (УПА) как пример героических страниц в истории, и Голодомор – как пример исключительной национальной трагедии» [12].

У элементов в нашей системе есть важная группа характеристик, которые можно назвать ролевыми. Такие характеристики описывают ту роль, которую играет (или сыграл) в системе элемент или подсистема. К ним следует отнести:

- влияние этноса на генезис и развитие государственности;
- роль языка этноса;
- роль в экономической жизни;
- роль в формировании общих, системных ментальных черт;
- роль в обеспечении безопасности страны.

Сколь важной ни считать роль русского народа в **формировании и развитии русской государственности**, ценность этой роли не умаляет, а даже делает более значимой роль каждого народа, этноса, вошедшего в общую российскую этно-территориальную систему, которая таким образом усложнялась как количественно, так и качественно. Количественно – новыми лицами народов, новыми территориями. Качественно – путём интеграции в систему новых культурных, ментальных и прочих характеристик, присущих до того только данному народу; после становления народа частью общей системы, общая палитра таких характеристик становится богаче, а народ, в свою очередь, становится причастен ко всему общему богатству характеристик.

Положение и **роль языка** – каждого, – безусловно, влияет на характеристики всего спектра отношений в системе. Многие российские граждане едва ли точно знают, какое количество языков существует в России, и, тем более, смогут назвать их более, например, 50 или хотя бы 20. Понятно, что языки, малоизвестные большинству, оказываются на периферии общего внимания, их воздействие на языковую ситуацию может носить специфический характер (например, вызывать стремление к их *сохранению*, что можно назвать влиянием «пассивного» типа).

Бессмысленно оспаривать уникальную роль русского языка, веками обеспечивающего межнациональное общение представителей многих десятков народов. Но и менее распространённый язык народа, входящего в нашу систему, дополняет общий многоязыкий голос страны, обогащая иногда отдельным своим словом все другие языки. И образ, стоящий за этим словом, понятен и нужен любому (вспомним: «джигит», «нарты», «чум», и т.п.).

* Гипостазировать – (от греч. hypostasis – сущность, субстанция) придавать обособленное объективное существование какому-нибудь отвлечённому представлению, качеству, признаку, рассматривать отвлечённые понятия как самостоятельно существующие объекты.

Экономическая роль не может быть адекватно оценена финансовыми показателями, если они не учитывают весь спектр других полезных хозяйственных функций, которые выполняет регион помимо финансового участия в бюджете страны. Роль элемента системы в экономической жизни – комплексное понятие в рассматриваемом контексте. Важность этой роли для системы в целом не определяется, и не должна определяться, например, уровнем налоговых и других перечислений в бюджет. Транспортный транзит через данную территорию; рекреационные возможности местного ландшафта; культурные ценности данного этноса – как материальные, так и нематериальные, духовные (служащие популярным «брендом» территории или народа и дают свой вклад в экономические процессы); и многое другое – это всё примеры составляющих экономической роли элемента системы.

Есть специфическое свойство у России, проявившееся за века, которое можно определить как **патерналистское отношение со стороны системы** в целом – к каждому своему элементу. И реализация этого свойства обеспечивается всеми входящими в российскую систему элементами, участвующими, каждый по-своему, в формировании общих, системных ментальных черт, окрашенных оттенком патернализма. Эта роль заключается как в поддержке и обеспечении существования одних элементов со стороны других, так и в противоположно направленном действии: формировании и подаче сигналов в адрес всей системы со стороны элементов, нуждающихся в какой-либо поддержке в данный момент (например, российский Дальний Восток сегодня).

Сугубо дотационные регионы, казалось бы, удерживаются в орбите российской государственности дотациями, помощью других регионов. А если переменится конъюнктура рынка или природные условия в данном регионе станут благоприятнее, и регион станет самокупаемым, «регионом-донором» – его ничто не будет удерживать в данном государстве? Модель, когда этносом осознаётся, что он переживал и пережил тяжёлые времена с помощью других и теперь искренне рад в свою очередь помогать другим, представляется более предпочтительной. Такая модель базируется не только на прагматике, она имеет ещё и нравственный потенциал. В такой модели сепаратизму, порождаемому ухудшившимися условиями и/или искусственно инспирируемым (внутренними

или внешними силами), будет не на что опереться. До начала добычи газа Надым (Ямало-Ненецкий автономный округ) не был столь привлекателен для проживания и инвестиций, как сейчас. Пройдут десятилетия, изменится технологический и энергетический уклад, эти территории изменят свой экономический статус, но ценность их в высшем смысле не должна понизиться.

Можно назвать ещё одну роль, присущую каждому элементу и немаловажную с точки зрения надёжности и стабильности существования системы – участие в обеспечении **безопасности страны**, причем самыми разными способами, начиная от направления новобранцев для прохождения срочной службы в силовых структурах и заканчивая, например, содействием обеспечению прочности внешних границ государства (для пограничных регионов).

Охарактеризовав элементы нашей системы (территории и этносы), дадим описание отношений, которыми данные элементы взаимосвязаны. На устойчивость связей влияют следующие факторы:

- исторические,
- политические,
- социально-экономические,
- этно-культурные,
- информационные,
- природные.

Они влияют не только на сами отношения, но и на восприятие последних – как участниками этих отношений, так и другими элементами и подсистемами нашей системы. Понятно, что, например, способ вхождения этноса в систему российской государственности налагает отпечаток на дальнейшие взаимоотношения, конечно, меняющиеся со временем. **Историческое** влияние имеют и почти забытое подчинение Московским княжеством других русских княжеств, и завоевание Казанского ханства. Но гораздо большее влияние оказывает на отношения, которые существуют сегодня между отдельными российскими этносами, например, история более позднего вхождения в Российскую империю кавказских регионов.

Статусное развитие отдельного этноса в российском государстве, вылившееся в сегодняшнюю **политическую** организацию его бытия, безусловно, придаёт отношениям элемента или подсистемы с другими участниками системы вполне определённую окраску. Если имя народа носит данный регион, то это влияет на статусное восприятие данного народа, даже если его численность в родном регионе не является преобладающей.

Социально-экономические условия оказывают своё влияние на отношения в системе. Качество социально-экономических условий в разных регионах нашей страны различается очень сильно, и это ведёт к определённым следствиям, касающимся внутрисистемных отношений. Московский регион сосредотачивает у себя, по некоторым оценкам, до 60–70% финансовых потоков и обеспечивает за счёт этого наиболее высокий в стране уровень социально-экономического развития. Как пишет О. Веди́на, «душевые доходы москвичей превышают среднероссийский уровень в 2,5 раза [3]. Это создаёт определённый, часто близкий к негативному, тон отношений других участников системы со столичным центром.

Различия имеются и в **этно-культурных** традициях. Этот фактор выражается в существовании естественного различия народов, входящих в систему русской цивилизации. Контакт представителей каких-либо двух народов в разных условиях будет реализовываться по-разному. Например, в городе охотник-нганасан и горожанин-русский будут взаимодействовать иначе, чем если бы они встретились в заснеженной таймырской тундре.

Недостоверность **информации** или её отсутствие может привести человека только к неправильным действиям или мыслям. Недоверие, неприязнь к этническому незнакомцу – признак если не слабости, то неуверенности в собственной значимости. Но такая значимость должна базироваться не на ощущении превосходства, а на крепких знаниях – и о себе, и об оппоненте, который тогда превращается в партнёра.

Так именно обстоит дело и в вопросах, связанных с восприятием представителями одного этноса – других, то же можно сказать и о представителях разных регионов. Сегодняшний житель любого региона России, расположенного далеко от Северного Кавказа, если впервые сталкивается с выходцем, например, из Чеченской республики, может опираться в своих оценках только на ту многочисленную, но практически исключительно негативную информацию, которую последние двадцать лет он мог почерпнуть из средств массовой информации. Другую, более многоаспектную и объективную, информацию о далёком регионе он может получить либо из прямого общения со встреченным чеченцем, либо специально обратившись к каким-либо источникам информации, отличным от СМИ (библиотека, Интернет, музеи и пр.). Разумеется, получить больше разнообразной информации о данном регионе – не только о недавнем военном

подавлении сепаратистских отрядов, – но о тамошнем быте, о традициях и обычаях, о состоянии предприятий, о местной природе, обо всём том, что окружает человека в обыденной жизни, можно составить мнение, которое окажется более благоприятным.

По такому же принципу строится наше отношение к иммигрантам, «заполонившим» нашу жизнь. Многие ли россияне знают, что таджикскому городу-музею Ура-Тюбе (Истрвшану), древнему центру торговли и ремесел Центральной Азии в 2002 г. исполнилось 2500 лет? А сразу ли вспоминается, что узбекский Самарканд, один из древнейших городов мира, центр Согдианы, более двух тысяч лет являлся ключевым пунктом на Великом шёлковом пути между Китаем и Европой? Зная это, можно скорее понять, что встреченный смуглый человек – не чужак, а представитель древней культуры, попавший не по своей воле в тяжёлые обстоятельства и так же понимающий неправильность происходящего. И для него – симметрично – должно быть понятно, что нередкое высокомерие и пренебрежительность к нему со стороны встреченных русских и других россиян – не главные свойства их души; это, разумеется, возможно при условии соответствующих просветительских программ как в России, так и в родной иммигранту стране.

Информированность (конечно, лучше бы говорить об образованности) может снижать уровень необоснованного негативного отношения между представителями разных регионов и обогащать взаимные контакты дополнительными красками. Такое видение проблемы уже начинает приобретать черты реальности: по информации пресслужбы Министерства связи и массовых коммуникаций, «телеканал “Россия К” (телеканал «Культура») на постоянной основе будет размещать тематические фильмы и передачи, посвященные межнациональным отношениям» [11].

На существование этноса во вмещающем ландшафте влияют природные условия и имеющиеся там ресурсы. Это **природные факторы**, которые воздействуют на отношения в системе. Приведём пример. Начатые в конце 1930-е гг. изыскания месторождений алмазов по всему СССР увенчались успехом через 20 лет в Якутии. И, разумеется, этот природный дар благоприятно повлиял не только на хозяйственное развитие страны, но и на восприятие статуса Якутии среди других регионов. Но как бы могла возникнуть данная ситуация, если бы не ученые, геологи-изыскатели всего Советского Союза, участвовавшие

в этом проекте? Как мы знаем, они делали это совсем не для собственного прославления и даже – не одной только Якутии. Они служили своей большой Отчизне.

Среди связей, которые существуют в нашей системе, можно выделить межнациональные, групповые межнациональные отношения, внутринациональные.

Прямые **межнациональные** связи, будучи неформальными, проявляются опосредованно: на межличностном уровне; в виде упоминания в сообщениях СМИ этнической информации, касающейся освещаемых событий; в виде неформальных контактов на всероссийских культурных и научных форумах.

Групповыми межнациональными связями можно считать отношения, возникающие в условиях, когда представители нескольких этносов оказываются в более тесном взаимодействии между собой, чем с другими этносами системы. В таком случае в системе возникает подсистема элементов. Примером может служить Дагестан, в котором насчитывается 121 национальная и этническая группа [14], но очень многими жителями других регионов представители Дагестана в силу разных причин (в первую очередь из-за неосведомлённости) воспринимаются как монолитная группа. Даже если в регионе этническое разнообразие совсем невелико, групповые межнациональные связи всё равно не могут не возникать и не проявляться, о чём говорит пример Тувы, приведённый выше.

Внутринациональные отношения присущи народам, которые имеют свою собственную внутреннюю структуру, например, у русских. Наряду с главным массивом общих свойств, качеств, у таких этносов есть различия в диалектах, культурных и бытовых традициях в разных местностях. Такие различия влекут возникновение хотя бы минимально возможных отношений между отдельными странами этноса.

Выделив некоторые существенные характеристики отношений между элементами нашей системы, можно попытаться дать определение межнациональным отношениям. О них принято говорить как о субъективно переживаемых отношениях как между людьми разных национальностей, так и между этническими общностями, т.е. можно выделить два их уровня – личностный и групповой. Эти отношения существуют в самых различных областях жизни – в политике, трудовой сфере, в быту, в семье, в дружеском общении и т.п. Ведущую роль в межэтнических отношениях играют национальные интересы, которые для

индивида заключаются в этническом, национальном, развитии. Аналогично можно характеризовать и межрегиональные (межтерриториальные) отношения.

Можно выявить и составить описание многочисленных связей между элементами и подсистемами, входящими в систему, и создать таким образом базу для оценки свойств этих связей. Чем полнее окажется выборка связей в таком описании, тем адекватнее может быть их сравнение не только с качественной, но и с количественной точки зрения. Придание весовых характеристик связям – один из способов такой оценки. Если такое сравнение не делать одномерным (сводя все разнородные характеристики для каждой описываемой связи к единому параметру), а использовать несколько «плоскостей» сравнения, можно получить многомерное представление состояния сложной национально-территориальной системы с названием Россия. Можно сделать предположение, что исключение из системы какого-либо одного элемента должно приводить к редукации характеристик как всей системы в целом, так и каждого элемента, подсистемы или связи. Это можно проиллюстрировать следующим примером. Предположим, описанная модель была построена двадцать пять лет назад, когда ещё существовал Советский Союз. Теперь мы построим модель современной России вкуче со странами – бывшими составными частями СССР; большинство связей из первой модели оказались во второй либо обнулены, либо многократно ослаблены. Сравнение этих двух гипотетических моделей покажет, что вторая проигрывает первой – как количественно, так и качественно. Использование такой модели, содержащей весовые характеристики, также может позволить оценить и каждый элемент системы в отдельности.

Поэтому логичный вывод: надо не позволять имеющимся связям ослабевать, их надо укреплять, развивать, превращая каждую в более сложную, многогранную систему связей, усложнять набор связей, добавлять новые.

Но пока в России на государственном уровне такая стратегия просматривается слабо, разве только на телеканале «Культура». На практике происходит втягивание рабочих ресурсов из периферийных регионов страны в города (особенно в крупные), что является признаком деградации системы, поскольку «весовые» характеристики регионов, выступающих в роли доноров трудовых ресурсов, снижаются, т.е. происходит деградация элементов системы. Необходимость равномернее развивать тер-

ритории – это аксиома. Однако в понятие такой политики никак не укладывается радикальное изменение границ столичного мегаполиса, произведённое в 2012 г. Десятки тысяч новых рабочих мест будут созданы в «новой Москве», и «город» станет ещё притягательней для непрощающих жителей провинциальных районов – и близких, и дальних. Появится дополнительный стимул поехать на заработки, а не работать там, где живёшь, и этой работой налаживать жизнь на месте.

Важно также не совершить ещё одной ошибки – подменить развитие собственного населения иммиграционной «подпиткой» извне, что опять возвращает нас к псевдоразвитию. Однако такой ход событий вероятен: В.В. Путин призывает «с одной стороны, направить мигрантов туда, где они будут в наименьшей степени вызывать социальное напряжение. А с другой – чтобы люди в своих родных местах, на своей малой родине могли чувствовать себя нормально и комфортно. Надо просто дать возможность людям работать и нормально жить у себя дома, на родной земле, возможность, которой они сейчас во многом лишены» [9]. Противоречивый тезис.

При таком векторе развития и межрегиональные, и межгосударственные связи будут ослабевать, поскольку представители

одного региона (государства), покидая его и переходя в другой (принимающий), перестают опосредованно реализовывать многочисленные отношения, имеющиеся между данными регионами (государствами).

Предлагаемый подход не только не исключает, но даже предполагает отказ при рассмотрении системы национальных взаимоотношений от того, чтобы ограничиваться сегодняшними границами России. Такой формат отношений возможен и на просторах бывшего СССР, и со странами, входившими в своё время в социалистический блок и являвшимися партнёрами Советского Союза на мировой арене. Не только Армения, Молдавия или Узбекистан и т.д., но и Вьетнам, и Куба, и Венесуэла также могут быть «форпостами» нашей системы.

Наша система должна позволять восстановление и формирование всех возможных связей между Россией и всеми странами, вовлечёнными прежде в орбиту нашей общей жизни. Это будет возрождением межнациональных связей, имеющих, как мы видим, глобальный характер. Разумеется, речь не идёт о воссоздании СССР-2. Система, которая образуется таким путём, будет какой-то новой русской цивилизацией, хотя и основанной на прежней общности самобытных и солидарных народов.

Список литературы:

- [1] Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности / Пред. Л. Полякова; репр. изд. 1918 г. – М.: Издательство МГУ, 1990. – 240 с.
- [2] Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. англ. под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
- [3] Вендина О. Почему Москва не является паразитом на теле страны // Forbes. – 2012, 13 февраля. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/sobytiya-column/finansy/79227-pocemu-moskva-ne-yavlyaetsya-parazitom-na-tele-strany>
- [4] Заседание Совета по межнациональным отношениям 24 августа 2012 года, Саранск. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/16292>
- [5] Малюк А. Дискурс глобализации с точки зрения мир-системного анализа // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005, № 2. – С. 176–196.
- [6] Никифоров В.В. Модернизация: кампания или системная функция? // Общество. Среда. Развитие. – 2010, № 4. – С. 4–7.
- [7] Попков Ю.В. Надо реанимировать интернационализм! // Наука. Сибирь. Общество. – 2011, 5 июля. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.copah.info/articles/person/nado-reanimirovat-internatsionalizm>
- [8] Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012, 23 января.
- [9] Россия федеративная: проблемы и перспективы // Под общ. ред. В.Н. Иванова. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. – 446 с.
- [10] Субетто А.И. Системогентика и теория циклов. В 2-х тт. Т. 1. – М.: Иссл. центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. – 243 с.
- [11] Телеканал «Культура» расскажет о традициях и истории народов и национальностей России // Вестник Кавказа. – 2012, 23 августа. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Telekanal-Kultura-rasskazhet-o-traditsiyakh-i-istorii-narodov-i-natsionalnostey-Rossii.html>
- [12] Томайчук Л.В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 3. – С. 52–55.
- [13] Черноусова Е.А. Русский народ в системе межнациональных отношений Российской Федерации / Дисс. ... канд. политических наук. – М. – 165 с.
- [14] Этнический состав республики // Сайт Министерства по национальной политике, делам религий и внешним связям Республики Дагестан. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.minnaz.ru/etnicheski_sostav